

ЭНЕРГОРЕСУРСЫ АЗЕРБАЙДЖАНА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Владислав Шорохов*

(Россия)

Введение

Нефтяные богатства играли и продолжают играть большую роль в судьбе Азербайджана, имеющего самые значительные среди стран СНГ после России разведанные запасы. После распада СССР и образования на его территории независимых государств, существенно изменилась геополитическая ситуация в регионе. Азербайджан оказался в центре геополитических интересов региональных и супердержав: России, США, Великобритании, Турции и Ирана.

В настоящий момент Азербайджан, обладающий разведанными запасами нефти в размере почти 4 миллиардов тонн (80 процентов из них морские залежи), вместе с Казахстаном и Туркменистаном может образовать третий в мире по масштабам нефтедобычи регион после Сибири и Персидского залива (суммарные морские запасы в районе Каспийского моря достигают 10 миллиардов тонн нефти и 6 миллиардов кубических метров газа). В результате республика может стать сильной региональной экономической, а значит и политической державой. Маловероятно, что такая перспектива удовлетворяет интересам России, которая увязывает добычу и транспортировку нефти со статусом Каспийского моря и его экологическими проблемами. Сохранение монополии на транспортировку нефти позволило бы России контролировать ресурсы Азербайджана, обеспечивающие его экономическую независимость. В свою очередь западные страны, в первую очередь США и Великобритания (главный противник России на Ближнем Востоке на протяжении последних двух столетий), также заявляют о своих экономических (в основном) и политических интересах в регионе Кавказа и Средней Азии, примыкающем к "shatterbelt"у (многолетнему фокусу столкновений интересов супердержав) с севера. Турция, имеющая свои региональные интересы, также выдвигает экологические требования к режиму судоходства в зоне черноморских проливов. Таким образом, противоречия между этими государствами, внешне выглядящие как конфликт между теплоэнергетическим комплексом (ТЭК) России и западными нефтяными компаниями за энергетические ресурсы постсоветского Азербайджана, связаны с поиском его внешнеполитической ориентации, которая сформирует транспортно-политическое пространство. Поскольку транспортная инфраструктура определит перспективные связи Азербайджана (а возможно и всего региона Закавказья и Средней Азии) с внешним миром, обострился выбор направления транспортных путей.

Проблема статуса Каспийского моря

Однако нефтедобыча на Каспии до сих пор не легитимна из-за неурегулированного режима ресурсопользования водоема. Режим эксплуатации моря определяют два договора - российско-персидский 1921 г. и советско-иранский 1940 г. Но положений об использовании дна моря в этих договорах не содержится. Таким образом, невозможно обвинить в несоблюдении действующего правового режима Каспийского моря прибрежные страны, если такого юридически не существует. Работа прикаспийских государств над новыми договоренностями по Каспию началась по инициативе Ирана с февраля 1992 г., т. е. почти сразу после распада СССР. Еще осенью 1993 г. Россия ставила вопрос о статусе Каспия, предлагая ограничить его территориальные воды 10-мильной зоной, и колоссальные запасы нефти (в 120 милях от берега) оставались бы за ней. Если

юридически считать Каспий озером, то все нормы международного морского права к нему не применимы. С другой стороны, если Каспийское море не является пограничным озером, а морем, то оно должно иметь свободный путь к Мировому океану, не облагаемый никакими налогами - Россия же (с весны 1994 г.) берет со всех иностранных судов, проходящих по Волго-Донскому каналу, плату на уровне международных тарифов - по 10 тысяч долларов. Россия также предлагает заключить двусторонние соглашения по охране биологических ресурсов, охране окружающей среды без определения статуса водоема и ответственных сторон. По мнению тогдашнего министра иностранных дел России А. Козырева, "каспийское море лишь называется морем, а по сути является внутренним водоемом. Море применительно к Каспию - это литературный эпитет, не более того".

Азербайджан, Казахстан и Туркмения пытаются в одностороннем порядке активизировать разработку ресурсов на территории прилегающих к ним секторов моря. Не отрицая на словах международного характера Каспия, Баку, Алма-Ата и Ашхабад на деле стремятся реализовать идею разделения моря на экономические зоны.

Позиция Азербайджана и Казахстана состоит в том, что рассмотрение Каспия как озера или моря ни в коей мере не изменяет результатов его разделения на сектора, образующиеся посредством проведения срединной линии. При этом прибрежное государство использует свои суверенные права на разработку и эксплуатацию принадлежащего ему сектора.

Согласно подходу России и Ирана, необходимо принять принцип общего использования Каспия (принцип кондоминиума). В качестве аргумента используется то обстоятельство, что Каспий был морем двух государств - СССР и Ирана. Однако практика использования Каспия Советским Союзом и Ираном указывала на раздельное использование ресурсов водоема в двух секторах, разделенных по линии Астара - Гасан Кули. Кроме того, союзные республики в составе СССР разрабатывали и использовали богатства Каспия по принципу деления по срединной линии, и эта практика существовала с 70-х годов.

Наконец, иранская сторона предпочла бы оставить в силе соглашения, заключенные с Советской Россией и Советским Союзом, т. к. в противном случае Иран понесет значительные убытки.

Все государства считают, что односторонние действия Азербайджана до разрешения статуса Каспия не легитимны. Однако этим и ограничивается солидарность Туркмении и Казахстана с Россией, и в действительности они стремятся к тому же. Туркменистан до сих пор воздерживается от определенных высказываний.

Каждое государство старается придерживаться тех договоренностей которые ему выгодны. Россия считает единственно легитимными договоры 1921 и 1940 гг. Но в другой части своей границы - с Эстонией и Латвией, договоры 1920 г Россия признает устаревшими (не говоря уже про Парижский договор ОВСЕ 1990 г.). При этом МИД заявляет что исходит из "существующей сегодня границы и международных норм в этой сфере". Однако и прикаспийские страны призывают Россию признать только то, что существует с 70-х гг.

Между тем Конвенция ООН по морскому праву (1982), подписанная более 150 государствами, в том числе СССР, недвусмысленно закрепляет суверенные права прибрежного государства на "разведку и разработку природных ресурсов континентального шельфа". В соответствии с конвенцией, юрисдикция прибрежного государства распространяется на создание, эксплуатацию и использование искусственных островов, установок и сооружений, и проведение морских научных исследований на континентальном шельфе. Прибрежное государство имеет исключительное право разрешать и регулировать по своему усмотрению "проведение на континентальном шельфе бурильных работ и создание искусственных установок для экономических целей".

Портрет сторон - интересы супер- и региональных государств

Другой важнейшей геополитической проблемой использования энергоресурсов является маршрут экспортного нефтепровода. Азиатско-кавказский регион (АКР) находится в континентальной глубине Евразии, и было множество вариантов проведения трубопровода в зависимости от физико-географических, политических и экономических факторов. Политические соображения, несомненно, играли большую роль, когда правительство Г. Алиева окончательно принимало решение о маршрутах прохождения трубопровода. Главными темами развития стали урегулирование конфликтов и военное присутствие России на Кавказе.

Линия конфронтации между Востоком и Западом отодвинулась к Закавказью и приблизилась к "холодной войне" за нефть. Проблема энергоресурсов Каспия стала тем "ключом" к азиатско-кавказскому региону, который может повлиять на внешнеполитическую ориентацию этих государств на ближайшие десятилетия. С этой точки зрения по-новому видится и урегулирование кавказских конфликтов: карабахского, абхазского и чеченского; и возможность манипулирования проблемой маршрута нефтепровода для разрешения территориального устройства Азербайджана и Грузии.

Именно к этому стремится Турция в Закавказье - союзу Грузии и Азербайджана (по типу Бенилюкса). Альтернативная точка зрения России направлена в большей степени на Грузию и Армению. При этом выпадает Азербайджан, с его интересами в урегулировании карабахского конфликта. И это явилось главной ошибкой внешней политики России в Закавказье в 90-е годы. К собственно кавказским конфликтам примыкают территориальные вопросы Курдистана в Турции и Южного Азербайджана в Иране, которые оказывают значительное влияние на эту проблему.

Потенциальную угрозу для безопасности России представляет азиатско-кавказский регион с его конфликтами и усилением из-за этого южного фланга вооруженных сил России, превышающих квоты ограничений вооруженных сил в Европе (ОВСЕ, 1990). Но Россия приложила немало усилий в Закавказье для появления той самой нестабильности, которую она теперь осуждает. В свою очередь Турция, как региональная держава, пытающаяся объединить тюркские государства в союз, возражает против пересмотра ОВСЕ. Азербайджан в Закавказье, таким образом, играет роль, аналогичную роли Украины в восточноевропейском регионе СНГ, оставаясь буфером между Россией, Ираном и Турцией.

Группы западных корпораций, прежде всего англо-американских, в союзе с Турцией пытаются продвинуться в широтном направлении вплоть до Центральной Азии. В противовес этому нефтеальянсу формируется другой - меридиональный: в качестве стратегического союзника России в Закавказье выбрана Армения.

К 1996 г. российская трубопроводная система уже не сможет удовлетворять экспортные потребности России, Казахстана, Азербайджана и других стран СНГ. На территории России нет новых сверхкрупных месторождений, ни нефтеносных регионов, которые могли бы стать стратегической базой для развития нефтедобычи. Отсюда вытекает необходимость поддержания максимально хороших отношений с южными соседями - именно эти страны могут рассматриваться как объект экспансии для российского ТЭКа. ТЭК и правительство не поддерживают любые попытки давления России на энергоресурсные страны СНГ; в частности объявление их зоной особых интересов, потому что считают это неэффективным. Необходимо иметь возможность экспансии сейчас, пока еще не все поделено. Именно в этом была суть разногласий между МИДом и правительством. МИД настаивал на торгово-экономических и финансовых санкциях против Азербайджана, однако правительство Черномырдина поддержало контракт. Вектор отношения России к проблеме нефтедобычи зависит от степени консолидации МИДа, правительства РФ и Минтопэнерго по этому вопросу.

С другой стороны, сами западные компании не заинтересованы в немедленной разработке месторождений СНГ и, оправдывая давлением России, проводят свои долгосрочные, а не краткосрочные интересы. Только на протяжении следующих 30-50 лет азиатско-кавказская нефть

найдет свое место на мировом рынке. Таким образом, кроме нефтедобывающих государств никто не заинтересован в немедленном использовании ресурсов.

Вначале Запад делал ставку на прохождение нефтепровода через карабахскую часть Азербайджана, Армению, нахичеванскую часть Азербайджана и Турцию - надеясь таким образом урегулировать карабахский конфликт и вывести Армению из-под влияния России. Однако после активных всплесков Запада в разрешении конфликта: 1992 - создание Минской группы СБСЕ, 1993 - Совместная американско-турецко-российская инициатива (3+1), и смены трех государств - председателей Минской группы (Италия, Швеция, Финляндия) стало окончательно ясно, что Армения не собирается давать согласия на этот маршрут. Азербайджан также категорически против. После активизации миротворцев осенью 1994 года (подключение ОБСЕ, новый статус посредников, положение о вводе разъединительных войск) сейчас наблюдается вялотекущий, иногда прерывающийся, переговорный процесс.

Азербайджан в 1994 г. активно лоббировал иранский маршрут - однако после исключения Ирана из консорциума весной 1995 г. этот вариант стал нереальным. Одновременно Азербайджан категорически отвергал маршрут через Карабах, Армению и Нахичевань в Турцию, считая что это поставит республику в сильную зависимость от позиции Армении, что неприемлемо для Г. Алиева. Исходя из этого единственными вариантами маршрута оставались грузинский и российский - именно они оба и будут реализованы.

Позиция Армении и отношение к ней Азербайджана и Турции определяются урегулированием карабахского конфликта. Однако Турция и Азербайджан по-разному относятся к армянскому маршруту нефтепровода.

Анкара по-прежнему увязывает нормализацию армяно-турецких отношений с решением карабахского конфликта. Но требования Турции стали менее категоричными, несмотря на нескрываемые усилия Азербайджана помешать начинающемуся сближению. Новые подходы Турции в отношении Армении связаны, помимо прочего, со стремлением Анкары принять участие в миротворческом процессе в Карабахе в составе международных разъединительных сил. Ради осуществления этой цели Турция согласилась, чтобы будущий нефтепровод проходил по армянской территории. Предполагалось, что этот вариант, кроме экономической выгоды, установил бы взаимозависимость Армении и Азербайджана, и эта зависимость могла быть залогом стабильности. Армения была бы не против такого расклада, но не за счет интересов Карабаха и своих стратегических союзнических отношений с Москвой, стремившейся полностью контролировать будущий нефтепровод.

В Ереване в официальных кругах считается дурным тоном обсуждать эту проблему - ни консорциум, ни представленные в нем страны к Армении с предложениями о прокладке трубопровода не обращались. Но, как заявил советник президента Жирир Липаритян, "на позицию Армении вопрос прокладки нефтепровода не влияет. Не для того была обеспечена безопасность Нагорного Карабаха, чтобы исходя из второстепенного фактора, рисковать ею. Было бы ошибкой думать, что исходя из желания скорректировать маршрут нефтепровода, Армения может пойти на такие уступки, которые приведут к нарушению безопасности. Деньги и безопасность - разные категории. Но абстрактно говоря, несомненно, бесперебойная работа нефтепровода требует безопасности, атмосферы кооперации и взаимодействия".

Турецкая "Сабах" перечислила все возможные предпосылки развития армяно-турецкой дружбы: благодаря совместной инициативе Турции и США близится к завершению армяно-азербайджанская война. "Между двумя этими странами, а также Анкарой и Ереваном начинается новый этап отношений". Турция открывает воздушный коридор в Армению, США оказывают давление на правительства РА и НКР, президент США и президент РА подчеркивают значение будущих добрососедских отношений внутри тройки Баку-Ереван-Анкара, "затем Армения уйдет с захваченных территорий, США снимут блокаду против Азербайджана, Турция - блокаду против

Армении, установятся дипломатические отношения между Баку и Ереваном, на переговорах будет расширена автономия НКР, США и Турция предоставят кредиты обеим странам".

Иран, занимающий по отношению к Азербайджану двойственную позицию, во время правления НФА снизил сотрудничество до минимального уровня. И хотя при Алиеве отношения двух стран стали активно развиваться - они находятся в сильной зависимости от складывающейся конъюнктуры. Проблема иранского маршрута накладывалась на проблему Южного Азербайджана. В случае реализации этого варианта Южный Азербайджан получил бы стимул для объединения с Северным. Между тем НФА в качестве политической партии не собирается отказываться от идеи борьбы за объединение Южного (Иранского) и Северного Азербайджана в единое государство. В мае 1995 г. Эльчибей объявил, что, по его мнению, в ближайшие два-три года азербайджанцы организуются в мощное монолитное тюркское государство. Он призвал 7 политических организаций, действующих в Южном Азербайджане (их представители участвовали в работе III съезда НФА), объединить свои усилия с 40 организациями Северного Азербайджана, выступающими за "воссоединение родины". После осеннего резкого улучшения отношений с Ираном и весеннего ухудшения серьезно рассчитывать на этот маршрут не приходилось.

В последнее время активизировалась политика Грузии (после Армении, а затем Ирана), убедившей консорциум в политической стабильности и возможности строительства нефтепровода через Грузию в Турцию или до Поти, с использованием далее танкерной перевозки или в Самсун (Турция), или во Фракию (Турция), или в Бургас (Болгария), или в Одессу (Украина). При реализации этого проекта Грузия получит возможность стабильного снабжения энергоресурсами. Одновременно усилится влияние Запада и Турции, стремящихся создать транспортный коридор Турция-Грузия-Азербайджан-Средняя Азия и Казахстан. В этом случае неизбежно ослабление влияния России в республике и замораживание абхазского и осетинского конфликтов. Но, в свою очередь, и Россия может получить в Грузии плацдарм для чеченских боевиков.

Достоинством грузинского пути является его компромиссность: трубопровод не будет проходить по территории основных конкурентов - России, Турции и Ирана. Летом 1995 года премьер-министр Турции Тансу Чиллер лоббировала именно грузинский вариант.

Казахстан занимал двойственную позицию по вопросу нефтяного маршрута, подписывая соглашение с Турцией и оставаясь членом Каспийского трубопроводного консорциума. С одной стороны, казахстанские официальные лица заявляют что, альтернативы строительству трубопровода Казахстан-Новороссийск для доставки тенгизской нефти нет. С другой стороны, в связи с тем, что объемы добычи нефти в следующем столетии будут очень большими, Казахстан ищет дополнительные выходы на мировой рынок. В этом случае наиболее реальный вариант транспортировки - к Средиземному морю, через Азербайджан и Турцию.

В целом, борьба Запада и России была сконцентрирована на двух маршрутах: российском и грузинском.

Развитие проблемы: 1990-1994

За последние 5 лет на политической арене Азербайджана развернулась борьба трех блоков. Сторонники первого (А. Эльчибей - НФА) стояли на позиции полной независимости Азербайджана от России, невхождения в СНГ, ориентации на США, Европу и Турцию. Представители второго направления (Г. Алиев, Г. Гасанов, Р. Гулиев) выступали за баланс традиционных интересов России и Запада, членство в СНГ наряду с развитием отношений с другими странами. И, наконец, третьи (А. Муталибов, С. Гусейнов, В. Гусейнов) выступали за максимально тесную интеграцию с Россией. Правление каждой из сторон отразилось на внешней политике Азербайджана, переговорах о разработке нефтяных месторождений, которые продолжались 4 года и маршруте экспортного нефтепровода.

Сотрудничество Азербайджана с западными компаниями началось еще в 1990 г., при правлении

А. Муталибова. В первом тендере право на разработку азербайджанской части шельфа получила "Амосо" (40 процентов). Доля СССР также составляла 40 процентов, Азербайджана - 20 процентов. В ходе многосторонних переговоров (Россия, Азербайджан, Казахстан, Оман) было принято решение о создании консорциума по прокладке нефтепровода из Казахстана ("Тенгиз") через Астрахань в Новороссийск (в обход Чечни). В рамках этого проекта предусматривалось сооружение отдельной нитки трубопровода для транспортировки азербайджанской нефти, протяженностью 1,5 тысячи километров (половина из которых старые действующие нефтепроводы), с пропускной способностью в 40 миллионов тонн в год (впоследствии 75 миллионов тонн в год) стоимостью 1,5-2 миллиарда долларов за 3 года строительства. Уже 20 лет действует линия (мощностью 6-10 миллионов тонн в год) в обратном направлении, снабжавшая грозненской нефтью нефтеперерабатывающие заводы Баку. Планировалась реконструкция нефтепровода и увеличение мощности для экспорта азербайджанской нефти. Однако реализация этого маршрута привела бы к скоплению в Новороссийске огромных объемов нефти из Казахстана и Азербайджана, что потребовало бы значительной модернизации нефте терминалов. Сейчас Новороссийск принял на себя фактически всю транспортную нагрузку для России на Черном море - только сырой нефти отсюда и дальше через черноморские проливы отправляется около 800 тысяч баррелей ежедневно.

Однако осенью 1991 г. А. Муталибов принял решение вывести Россию за рамки контракта: очевидно это сыграло определенное значение в развитии армяно-азербайджанского конфликта (потеря г. Ходжалы), в правительственном кризисе весной 1992 г. и смене А. Муталибова А. Эльчибеем. Вопрос о транспортировке тенгизской нефти также не был решен: переговоры между "Chevron" и Каспийским трубопроводным консорциумом "Caspian pipeline" были заморожены, и американская компания предпочитала пока не вкладывать инвестиции. После прихода к власти А. Эльчибея в мае 1992 г. работы над проектом новороссийского трубопровода велись без Азербайджана.

Прозападно настроенный А. Эльчибей (президент с мая 1992 г. по июнь 1993 г.) был склонен к совместной разработке трех месторождений ("Гюнешли", "Азери", "Чираг") с консорциумом ведущих нефтяных компаний Великобритании, США, Норвегии, Турции (именно при А. Эльчибее турецкая компания была подключена к проекту). Ведущую роль стал играть альянс "British Petroleum" (BP) - "Statoil": осенью 1992 г. было создано СП с азербайджанскими государственными объединениями Азернефть и Каспморнефтегаз. Предполагалось, что иностранным фирмам будет принадлежать 50 процентов уставного капитала СП, причем доля BP составляла 2/3, а "Statoil" - 1/3. Таким образом, интересы России игнорировались (и в консорциуме, и в маршруте экспортного нефтепровода).

Из всех семи вариантов нефтепровода предпочтение отдавалось турецкому (Баку-Тебриз-Нахичевань-Джейхан, другой маршрут через Турцию: Баку-Тебриз-Нахичевань-Трабзон). Грузинский вариант нефтепровода (Баку-Поти, протяженность - 850 километров, стоимость - 1,2 миллиарда долларов) - с технической точки зрения самый простой и очевидный - длина была бы значительно меньше, чем при других вариантах, а местность пролегания трассы гораздо более удобная. Он также был бы самым экономичным. У этого маршрута главными проблемами были: политическая нестабильность в Грузии, близость линии прекращения огня армяно-азербайджанского конфликта в Карабахе (в один период казалось неизбежным наступление армян на Гянджу) и увеличение нагрузки на черноморские проливы. Два иранских варианта (Баку-Харк и Баку-Тебриз-Харк, протяженностью 1060 и 1150 километров, себестоимостью по 2,5 миллиарда долларов, пропускной способностью - 40 миллионов тонн в год) предполагали подключение к уже существующему 750-километровому нефтепроводу Тебриз-Харк. Однако иранские варианты не устраивали компании США и Великобритании (составляющие большинство в консорциуме) которые из политических соображений не желали прохождения нефтепровода через Иран. "Прохладные" отношения Азербайджана с Ираном, резкие высказывания А. Эльчибея, его откровенно протурецкая ориентация также не способствовали этим вариантам. С технической точки зрения турецкий вариант самый трудный, поскольку трубопровод должен был пройти через гористую местность, зато у него было важное преимущество - прямой доступ к Средиземному

морю для загрузки танкеров (нефтетерминалы Дертйол и Юмурталык). Главная проблема этого маршрута состояла в том, что нефтепроводу из Азербайджана в Турцию пришлось бы неизбежно пересечь либо Армению, либо Иран, либо Грузию, а каждая из этих стран считалась политически неудобной. Армяно-азербайджанский конфликт, военные действия в Восточной Турции против курдских повстанцев (хотя маршрут обходил район активных действий ПКК), политический хаос в Грузии затрудняли реализацию этого проекта. Стоимость трубопровода Баку-Джейхан (проектная мощность - 40-55 миллионов тонн в год, стоимость 1,25-2,5 миллиарда долларов, протяженность - 1 тысяча километров, строительство - 2 года) зависела от того, можно ли будет присоединиться к существующему трубопроводу Ирак-Турция, который сейчас закрыт из-за нефтяного эмбарго против Ирака. Турецкая государственная компания "БОТАШ" предложила западному консорциуму доступ к этому трубопроводу, который значительно сократил бы общую стоимость проекта, избавив от необходимости строить новую ветку длиной 600 километров. Существуют юридические сомнения по поводу того, имела ли Турция право предлагать трубопровод другим консорциумам, когда у нее до сих пор юридически обязательное соглашение с Ираком. К тому же внутри СБ ООН нарастают настроения в пользу отмены эмбарго против Ирака. Прохождение нефтепровода предусматривалось вдоль ирано-азербайджанской границы (оккупированной Арменией), через "Мегринский коридор" в Армении - северный участок, или через Тебриз в обход Армении - южный участок, а после КПП Садарак в Нахичевани по территории Турции. Уже находясь в отставке, А. Эльчибей в интервью "Московским Новостям" признался, что подключение Армении к проекту нефтепровода означало бы конец войны в Карабахе и многомиллионные прибыли Еревана, что привело бы к ослаблению российского влияния и в Армении. В пользу этого говорили также упорные слухи о договоренности обмена между Арменией и Азербайджаном "Лачинского" и "Мегринского коридоров" (этот проект был известен как "план Гоббла"). Таким образом Азербайджан (а возможно и Армения) все дальше дистанцировался от России. 12 июня в Лондоне руководство Государственной нефтяной компании (Азеринепфть), совместно с лидерами консорциума подписывают декларацию о совместной разработке месторождений.

Но армянское наступление весной 1993 г. и поход С. Гусейнова привели к власти Г. Алиева (за две недели до того, как А. Эльчибей должен был подписать контракт в Лондоне о создании нефтяного консорциума), что означало смену внешнеполитической ориентации (вступление в СНГ) и новый этап в переговорах о создании консорциума. Характерной является реакция заинтересованных государств на смену власти: если Россия и Иран приветствовали приход Г. Алиева, то США, Великобритания и Турция предприняли ряд дипломатических демаршей против него и в защиту А. Эльчибея, как единственно легитимного президента. Новое руководство заявило о намерении пересмотреть контракт с консорциумом и отложить подписание на несколько месяцев. В этих условиях Турция, заинтересованная в осуществлении проекта нефтепровода, предприняла серию дипломатических шагов для привлечения России к его реализации. В ходе визита премьер-министра Т. Чиллер в Москву в сентябре 1993 г. было решено создать совместную рабочую группу по изучению наиболее оптимальных путей транспортировки нефти из России, Центральной Азии и Кавказа в район Средиземноморья через территорию Турции. Между Россией и Азербайджаном было подписано соглашение о совместной добыче нефти в азербайджанском секторе Каспийского моря (23 октября 1993 г. - визит министра топлива и энергетики РФ Ю. Шафраника) и передано 10 процентов (из 30-процентной доли Азербайджана в консорциуме) российской государственной компании "ЛУКойл", причем для совместной разработки выделялось месторождение "Гюнешли" (мощность 1,4 миллиарда баррелей), которое до октября 1993 г. предполагалось включить в контракт с западными компаниями. Таким образом, в отличие от отвергнутого варианта в июне 1993 г., в новом проекте предусматривалась разработка уже не трех, а двух месторождений - "Азери" и "Чираг", оцениваемых в 7-10 миллиардов долларов (на которых пик добычи нефти составит через несколько лет после начала разработки примерно 30-40 миллионов тонн в год).

В декабре 1993 г. источники в Баку, ссылаясь на мнение экспертов азербайджанского правительства, делали предположение, что контракт с консорциумом западных компаний не отвечает экономическим интересам Азербайджана, и скорее всего будет отвергнут. Видимо, они были близки к истине: представители турецкого правительства полагали, что Г. Алиев уже дал

согласие на транспортировку большинства или всей нефти через Новороссийск. Президенту Государственной нефтяной компании Республики Азербайджан (ГНКАР или SOCAR) Н. Алиеву пришлось опровергать сообщения, что в ходе визита Ю. Шафраника в Баку было подписано секретное соглашение, предусматривающее реализацию проекта строительства нефтепровода по российскому варианту. В феврале 1993 г. определенные источники (Известия. 30.03.94.) считали, что правительство Азербайджана предоставит "ЛУКойлу" еще 12 процентов в консорциуме, кроме обещанных 10 процентов.

Однако надежда России на то, что Г. Алиев полностью откажется от участия в консорциуме и выберет российский вариант, не оправдалась, хотя само подписание несколько раз откладывалось. Без сомнения, это было связано с процессом урегулирования армяно-азербайджанского конфликта (именно в марте-апреле Швеция приняла на себя функции председателя на переговорах в рамках Минской группы СБСЕ, сменив Италию) и "особым подходом" России, настаивавшей на размещении своего воинского "миротворческого" контингента, возвращении Каспийской флотилии, пограничных войск и создании совместной системы ПВО в Закавказье. Очевидно, что Россия не оказала поддержки Азербайджану в разрешении карабахского кризиса - в этих условиях правительство Г. Алиева не видело смысла в уступках России в вопросе участия в консорциуме и маршруте транспортировки нефти. Решающим шагом стал межправительственный договор в области нефтедобычи, подписанный в ходе февральского визита Г. Алиева в Великобританию. По этому договору Великобритания получила право на инвестирование проекта добычи. Правительства Азербайджана и Великобритании выступили в роли гарантов выполнения обязательств ВР и ГНКАР (SOCAR). На апрельской встрече глав государств СНГ в Москве руководство Азербайджана впервые (после вступления в Содружество) открыто отвергло схему карабахского примирения, предложенную Россией.

Официальной точкой разрыва стало заявление МИД РФ послу Великобритании в конце апреля 1994 г. - видимо, к этому моменту противоречия по проблеме контракта, маршрута нефтепровода, миротворческого процесса и военного присутствия привели к качественным изменениям в официальной политике. Опираясь на тезис о неопределенности статуса Каспийского моря, а следовательно, и его использования, МИД РФ заявил о том, что контракт не будет иметь юридической силы без предварительного согласия с Россией. Парадоксально, но в ходе визита Ю. Шафраника в Баку был подписан протокол, подтверждающий принадлежность "Гюнешли", "Азери" и "Чирага" Азербайджану, т. е. в ноябре 1993 г. в Москве не сомневались что Г. Алиев отвергнет если не весь контракт, то по крайней мере турецкий вариант маршрута.

Таким образом, соперничество России и Запада за энергоресурсы южных постсоветских республик до недавнего времени опосредованно проявлявшееся в кавказских конфликтах, перекинулось с суши на море. Причем, если в сухопутных конфликтах участие России и Запада просматривалось не столь явно, то в "морских" стороны себя показали открыто - с 1 июля Турция, ссылаясь на то, что Конвенция Монтре (1936 г.) не учитывает современных экологических требований, ввела национальный регламент судоходства в черноморских проливах, резко ограничивающий прохождение супертанкеров с нефтью, нефтепродуктами, природным газом, химическими удобрениями. В этом случае российский вариант нефтепровода (Баку - Новороссийск) терял смысл и оказывался "закупоренным" на выходе в Новороссийске. Правда, Турция выдвинула идею строительства нефтепровода с черноморского (из Зонгулдака и Самсуна) на средиземноморское побережье Анатолии (Самсун - Джейхан, протяженность 1050 километров и стоимость 1,47 миллиардов долларов), или через Фракию (с побережья Черного к Эгейскому морю: длина 110 километров, стоимость 0,3 миллиарда долларов) в обход проливов. В настоящее время через проливы ежегодно провозится, в основном российскими судами, 70-100 миллионов тонн нефти. В меморандуме посольству Турции от 30 июня МИД РФ фактически заявлял об отказе соблюдать ограничения.

Летом в Турции прошло несколько раундов переговоров о контракте и маршруте нефтепровода, причем каждый раз подписание откладывалось. 12 мая (как бы умиротворяя азербайджанскую

сторону) было достигнуто перемирие в армяно-азербайджанском конфликте и заявлено о намерении подписать Большое политическое соглашение. Еще в апреле на заседании Совета Безопасности России было принято решение о готовности ввода в Нагорный Карабах разъединительных сил МО РФ. Если раньше речь шла о миротворческих силах, включая наблюдателей СБСЕ и ООН, то к лету 1994 г. позиция Москвы ужесточилась. Россия пыталась осуществить в Азербайджане сценарий ввода миротворческих сил в Грузию, которая согласилась на более позднее включение ООН и контроль СБСЕ, и где миротворческий процесс оказался фактически "замороженным". В этих условиях после заключительного хьюстонского раунда переговоров по контракту, когда усилиями азербайджанской стороны возросла роль США в подготовке проекта, и встречи в Каире, где Г. Алиев убеждал вице-президента А. Гора и премьер-министра Т. Чиллер в разумности "проработки" варианта строительства нефтепровода из Баку в Европу не через Карабах, а через Иран, миротворческий процесс резко замедлился - неофициальная встреча президентов Армении и Азербайджана (Москва, 8 сентября) оказалась безрезультатной. Успех хьюстонских и каирских переговоров - основа жесткой позиции Г. Алиева на московской встрече. Затягивание урегулирования ставило под сомнение миротворческую миссию России в Азербайджане. Ранее в Москве считали, что России предстоит выполнить роль главного миротворца в этом конфликте и добиться предоставления мандата ООН на выполнение миротворческой операции в Нагорном Карабахе. Таким образом, компромисса между Россией и Западом достичь не удалось: предоставления Москве свободы действий в урегулировании конфликта в обмен на невмешательство в реализацию нефтяного "проекта века". Уже в ходе визита в г. Баку (5-6 сентября) Мадлен Олбрайт (представитель США в ООН) заявила, что США не признают "особой роли" России на Кавказе и подчеркнула, что если российские войска и будут присутствовать в Карабахе, то только под контролем СБСЕ (определенный процент миротворческих сил должны составить контингенты других европейских стран).

Провал московских переговоров закономерно привел к подписанию 20 сентября в Баку контракта между ГНКАР (SOCAR) и консорциумом западных компаний. Документ практически ничем не отличался от февральского проекта, кроме возвращения в сферу совместной эксплуатации месторождения "Гюнешли" (запасы - 50 миллионов тонн нефти), всего планировалось добыть 511 миллионов тонн нефти (оцениваемых в 118 миллиардов долларов), из них 253 миллиона тонн (34 миллиарда долларов) и попутный газ - 55 миллиардов кубических метров для Азербайджана, причем через 58 месяцев (почти 3 года) после начала действия контракта, был запланирован вывоз сырья по новому нефтепроводу, который должен быть построен к этому времени. По предварительным прогнозам, уже в первые годы после начала разработки западным консорциумом, только Азери и Чираг дадут примерно 30-40 миллионов тонн нефти в год, которая в основном пойдет на экспорт в страны Европы. По подсчетам азербайджанских специалистов, за счет нефтедолларов республика уже до конца нынешнего столетия превратится в одну из богатейших стран бывшего СССР, независимую в финансовом отношении от России. Правительство Г. Алиева, рассчитывая на нефть как на главную движущую силу своего экономического будущего и сближения с Западом, считает, что контракт, крайне необходимый для экономики республики, связан с урегулированием армяно-азербайджанского конфликта (разногласия в подходах СБСЕ и России) - каждое обострение которого совпадало с очередным этапом переговоров о консорциуме. Контракт, который поставит добычу нефти в республике (в настоящий момент - 10,25 миллионов тонн в год) на уровень с небольшим государством Персидского залива, будет учитывать азербайджанские интересы. Таким образом транснациональные нефтяные компании (США: "Amoco" - 17,01 процентов, "Pennzoil" - 9,82, "Unocal" - 9,52, "McDermott" - 2,45; Великобритания: "British Petroleum" - 17,13, "Ramco" - 2,08; Норвегия: "Statoil" - 8,56; Россия: "ЛУКОЙЛ" - 10; Азербайджан: SOCAR - 20; Турция: "Turkish Petroleum" - 1,75; Саудовская Аравия: "Delta Nimirand" - 1,68.) вкладывая инвестиции и технологии, будут заинтересованы в мире и политической стабильности в Азербайджане. Продолжаются также переговоры с альянсом "BP"-"Statoil" и с "Turkish Petroleum" о правах на разведку и освоение гигантского месторождения "Шах-Дениз", оцениваемых в 5-6 миллиардов баррелей доступной нефти.

Контракт имеет также огромное политическое значение - ведущие европейские страны и США

будут уделять значительное внимание проблеме обеспечения стабильности в Азербайджане и во всем регионе в целом, т. к. дестабилизация обстановки в этой закавказской республике поставит под угрозу деятельность западных нефтяных компаний. Таким образом контракт фиксирует долговременную ориентацию Азербайджана на Запад и открывает новый этап отношений с США и Россией, что ярко подтвердили переговоры на 49-й Генассамблее ООН.

После встречи 26 сентября Б. Клинтона и Г. Алиева, на которой обсуждались перспективы реализации контракта о нефтедобыче и проблема карабахского урегулирования, состоялась встреча Б. Клинтона и Б. Ельцина, на которой важное значение имели азербайджано-американские отношения. Впервые за все время российско-американских саммитов вопрос о ситуации в Азербайджане был включен в число тем для обсуждения. 27-28 сентября Б. Клинтон и Б. Ельцин обсудили проблему карабахского урегулирования и вопрос о статусе Каспия. Призвав дезавуировать заявление МИД РФ (20 сентября) о том, что Россия не признает контракта о разработке месторождений Каспия, Б. Клинтон намеревался обеспечить политическую поддержку четырех входящим в консорциум крупнейшим нефтяным компаниям США. В то же время проект о нефтедобыче может быть реализован лишь в том случае, если ведущие страны мира, задействованные в проекте, предпримут более активные действия для завершения войны в этом регионе. Русский журналист Станислав Кондрашов писал по этому поводу: "...Только на линии единой "цивилизованной" интеграции России в мировую экономику, могут быть, ко всеобщему удовлетворению разрешены подозрения типа рожденных бакинским соглашением о каспийской нефти. Иначе - это мина замедленного действия под российско-американские отношения" (Известия, 8 октября 1994 г.). Выявились разногласия и по армяно-азербайджанскому урегулированию: на требование Б. Ельцина о признании России главным миротворцем в карабахском урегулировании, президент США подчеркнул, что все действия российской стороны в этом регионе должны соответствовать международным нормам и проходить под контролем ООН и СБСЕ: российский план урегулирования во многом противоречит мандату Минской группы СБСЕ и его принятие означало бы капитуляцию Азербайджана в конфликте с Арменией, а это не в интересах многих стран, входящих в Минскую группу. Нагорный Карабах имел на встрече большее значение, чем Грузия с Абхазией или Таджикистан - тем более что через Минскую группу западные представители активно противятся преобладающей роли России в попытках урегулирования этого конфликта. Одновременно активизировалась миротворческая деятельность США: 27 сентября при посредничестве М. Олбрайт состоялась встреча Г. Алиева и Л. Тер-Петросяна. Когда в мае-июне 1993 г. Азербайджан официально согласился с поддержанной США формулой мира (3+1: США, Россия, Турция, СБСЕ), предложенной СБСЕ, Армения и непризнанная "НКР" отказались подписать поддерживаемый США план мира, послу Д. Мареска, представителю США в Минской группе позволили уйти и на его место никого не назначили. Поэтому сам факт проведения этой встречи может расцениваться как признак активизации роли США в этом регионе. Следует признать, что урегулирование карабахского конфликта стало, наравне с боснийским конфликтом, приоритетным направлением американской дипломатии, конкурирующей здесь с российской наиболее ярко. Уже в июле 1994 г. Р. Армитидж (координатор американской помощи в странах СНГ с января 1992 г. по май 1993 г.) призывал энергично возражать против вмешательства России в Закавказье, используя для этого все имеющиеся в ее распоряжении дипломатические средства: назначить своего представителя в Минскую группу СБСЕ; настаивать на подписании правительством Азербайджана соглашения о добыче нефти; выступить посредником при достижении соглашения о беспрепятственном провозе гуманитарной помощи; добиться отмены запрета на оказание помощи Азербайджану; вовлечь Россию в диалог об этом регионе на высшем уровне, ясно заявив о том, что американская помощь России в МВФ и Всемирном Банке нельзя принимать как само собой разумеющееся, пока Россия создает угрозу интересам США.

Таким образом отношение США к урегулированию конфликтов и интеграционным тенденциям на территории бывшего СССР однозначно - предотвратить распространение российского влияния на постсоветском пространстве и особенно в таких "ключевых" республиках, как Азербайджан, соседствующий с Ираном, Турцией, Грузией, Россией, Средней Азией и обладающий значительными энергоресурсами. Американская администрация дала понять Ельцину, что США

имеют свои интересы в Закавказье и будут их защищать. И в США, и в России понимают, что контроль над Азербайджаном будет означать контроль над транспортировкой нефти из этого региона в Европу. Поэтому одновременно с улучшением отношений с США, произошло осложнение азербайджано-российских отношений, наступившее сразу вслед за подписанием контракта.

МИД России еще 16 сентября в очередной раз уведомил британский МИД, что вопрос о ресурсах Каспия не может рассматриваться без решения его статуса. Вскрылись внутрироссийские противоречия по этому вопросу (назревавшие весь год): Минтопэнерго и правительство Черномырдина, поддерживающие контракт, против МИДа. По мнению руководителя департамента информации и печати МИДа Г. Карасина (20 сентября) Каспий "...с точки зрения международного права - внутриконтинентальный водоем и является объектом совместного использования всех прибрежных государств". Он заявил, что Россия официально не признает ни контракт, ни "вытекающие из него последствия", ввиду опасений за экологию и пригрозил "серьезными политическими международными последствиями" при реализации проекта в его нынешнем виде.

Все это предопределило развитие внутривнутриполитической ситуации в Азербайджане и привело к политическому кризису в республике (как это было уже не раз за последние 5 лет), обозначив внешнеполитические ориентации политических группировок Азербайджана. Г. Алиев оценил события в республике как часть заранее спланированной широкомасштабной акции по дестабилизации ситуации в республике и обвинил в ее организации "окопавшихся в Москве" Аяза Муталибова и Вагифа Гусейнова. В Баку считали, что события, непосредственно управляемые из-за рубежа, были инициированы определенными силами в Москве, стремящимися любой ценой не допустить реализации контракта о нефтедобыче на Каспии. Характерная разница в комментариях: "Вопрос в том, сможет ли Гейдар Алиев переиграть Кремль. Сомневающимся достаточно" (Московские Новости, N 17, 1994) и : "Пожилой, уходящий, как можно было подумать, с политической арены человек с кажущейся легкостью переиграл региональную супердержаву, и уже сегодня, спустя всего несколько дней после его успеха, расстановка сил в Закавказье начинает меняться до неузнаваемости" (Независимая Газета, 12.10.1994). Такие оценки можно понять: в свое время сам Г. Алиев считался "человеком Москвы" - в феврале 1993 г. он ездил в Москву, встречаясь с российскими политиками и западными послами, после чего А. Эльчибей предложил ему один из ключевых постов в государстве. А в июне 1993 г. С. Гусейнов (пользующийся покровительством генерала Щербака, командовавшего 104 Воздушно-Десантной Дивизией в Гяндже, которой стремились придать статус "миротворческой") старался вернуть к власти в Баку не Г. Алиева (который как сильный лидер, работавший в КГБ, не устраивал силовые министерства), а А. Муталибова - слухи об активизации его действий появились уже в конце мая. Однако приглашение Г. Алиева А. Эльчибеем нарушило эти планы и на протяжении 1993 г. никто не сомневался в пророссийской ориентации Г. Алиева. Опять-таки тот же Вагиф Гусейнов (бывший председатель КГБ) был выпущен на свободу из Баилловской тюрьмы самим же Г. Алиевым, во время резкого улучшения отношений с Россией и усиления ее позиций в консорциуме летом - осенью 1993 г.. Но уже в январе 1994 г. с А. Муталибовым встречался тогдашний руководитель Службы Внешней Разведки Евгений Примаков - накануне визитов Г. Алиева в Турцию и Великобританию. Но в оппозиционных кругах вплоть до июня-июля 1994 г. считали, что Г. Алиев выполнит требования России. Когда в мае 1994 г. А. Джалилов подписал Бишкекский протокол по инициативе Межпарламентской Ассамблеи СНГ, С. Гусейнов не сумел воспользоваться политической ситуацией в республике. Ослабление позиций С. Гусейнова говорит о более важной тенденции, наблюдаемой на протяжении последних полтора года - ослаблении позиций России в Азербайджане. В сентябре, непосредственно перед подписанием контракта, начались репрессии против Партии труда, деятельность которой была направлена на последовательную дестабилизацию ситуации в республике по "сценарию экс-президента А. Муталибова - "трудовиков" считают выразителями российской политики" и "муталибовцами". В сентябре также Г. Алиев и С. Гусейнов выступили с открытой критикой друг друга (в мягкой форме). Как С. Гусейнов, так и А. Муталибов могли вернуться на политическую арену Азербайджана при одном условии: поддержке извне. Очевидно, что политическая основа для серьезной поддержки С. Гусейнова и А. Муталибова как в регионах, так и в спектре политических партий и блоков в последнее время отсутствовала.

Говорить о том, что события в начале октября - проявление борьбы регионов, региональных кланов (бакинского и гянджинского), не совсем верно.

Культурно-политическая традиция азербайджанских ханств стала основой для регионального протекционизма в советское время. Однако в современном Азербайджане трудно выделить региональные кланы в политике (при том, что существуют региональные различия). Поэтому в отличие от Таджикистана, Чечни или соседней Грузии нельзя четко идентифицировать политических лидеров с определенными регионами, хотя пример Г. Алиева или С. Гусейнова, казалось, должен был бы свидетельствовать об обратном. Фактически же в политическом истеблишменте целый ряд политиков действует без поддержки определенного региона: Расул Гулиев (глава Милли Меджлиса), Гасан Гасанов (министр иностранных дел). Причем единственный крупный политик, идентифицируемый со "своим" регионом - С. Гусейнов вышел из политической игры в республике. Тот же А. Муталибов, опиравшийся на мафиозные и клерикальные структуры бакинского и шемахинского регионов, поддерживаемый определенными кругами России и Ирана, протезировал С. Гусейнова (из гянджинского клана?) против Г. Алиева (нахичеванский клан?), Р. Гулиева (нахичеванский?) и Г. Гасанова (родился в Тбилиси, долгое время работал в Гяндже) - где здесь борьба региональных кланов? В то же время в Нахичеванском регионе довольно сильные позиции имеет НФА - хотя это родина Г. Алиева. В другом регионе - Тальше - действия Г. Алиева по подавлению ставленника С. Гусейнова Алиакрама Гумбатова, провозгласившего Тальшско-Муганскую Республику, получили одобрение подавляющего большинства как азербайджанцев, так и тальшей.

Итак, современная элита Азербайджана, основана не только на региональной дифференциации. Главные действующие лидеры политических группировок - Г. Алиев, Р. Гулиев, Г. Гасанов, С. Гусейнов (до последнего момента). Уже в 1990 г. Г. Гасанов реально претендовал на власть в республике, наряду с А. Муталибовым (ставшим первым лицом) и В. Гусейновым (председателем КГБ Азербайджана). Некоторые журналисты считают Г. Гасанова наиболее "прозападным" лидером в Азербайджане (из тех, кто имеет реальную власть). За последние два года Г. Гасанова сильно потеснил Р. Гулиев, причем оба достигли своего положения благодаря операциям с нефтью. Р. Гулиев (в прошлом руководитель крупнейшего нефтеперерабатывающего завода) сосредоточил в своих руках около половины реальной власти в Азербайджане. Причем сейчас, по мнению оппозиции, идет разделение сфер влияния и доходов между правительственными группировками. После подписания контракта политические ориентации определились: команду президента можно условно назвать прозападной, а оппонентов - пророссийскими. В случае ввода российских миротворческих войск вполне возможной стала бы перспектива фактической федерализации Азербайджана (по примеру Грузии): при официально признанной территориальной целостности создание политически и экономически ориентированных на Москву автономий, угроза дестабилизации которых может быть использована как рычаг давления на центральные власти. Мнение Г. Алиева, в отличие от Э. Шеварднадзе, по этому поводу категорично: "Федерализм - бомба замедленного действия под государственность Азербайджанской Республики" (Московские Новости, N38, 1994).

В целом неверно считать, что региональные противоречия в Азербайджане настолько велики, что могут привести к внутривнутриполитическому кризису. Таким образом, в ближайшее время не следует ожидать значительных изменений во внешнеполитическом курсе азербайджанского истеблишмента. В то же время, в Азербайджане спровоцировать мятеж или переворот можно в любое время - все шесть государственных переворотов за последние 5 лет вызывались не просто внутривнутриполитическими кризисами, а открытой борьбой держав за ориентацию Азербайджана: внутренняя борьба усиливается соперничеством Запада и России за контроль над нефтяными ресурсами.

Дипломатические шаги к установлению статуса Каспийского моря, непризнание "контракта века" МИДом России, скрытая поддержка А. Муталибова (а следовательно и С. Гусейнова) свидетельствовали о стремлении России не терять экономический и политический контроль над

таким сложным узловым регионом мира, каким является Закавказье. Тем не менее, Г. Алиеву удалось заручиться такими международными гарантиями безопасности, что, несмотря на раздраженную реакцию, Россия не прибегла к "нелегитимным действиям", хотя контракт и маршрут нефтепровода имели принципиальное значение для позиций России в Закавказье. Поэтому сразу за "кризисной" неделей в Азербайджане, 11 октября в Москве начались консультации представителей России, Ирана, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана, связанные с судоходством, порядком использования биоресурсов Каспия, а также проблемой водной поверхности. Выступая 9 октября в российской телепрограмме "Итоги", 1-й заместитель директора правового департамента МИД РФ Я. Островский подчеркнул, что "Каспий - внутриконтинентальный водоем, не имеющий соединения с Мировым океаном", и по этой причине все нефтяные месторождения этого моря в равной мере являются собственностью всех прикаспийских государств (хотя Иран, как известно, производит исследование и добычу нефти и газа на своем участке шельфа без всякого согласования - и это не вызывало возражений в Москве). Характерно, что уже осенью 1993 г. один из отделов МИД РФ советовал: "Было бы также целесообразно проводить линию на объединение материально-финансовых средств прикаспийских стран на базе создания в будущем каспийского союза нефтедобывающих государств для совместной разведки, добычи, переработки, транспортировки и экспорта нефти". Однако из пяти прикаспийских государств, три (Казахстан, Азербайджан, Туркменистан) заинтересованы в разделе Каспийского моря на экономические секторы, и поэтому попытка осуществить легитимизацию российских требований представляется маловероятной. Единственным сторонником России в этом вопросе оставался Иран (по тактическим соображениям).

Именно поэтому важнейшим и неожиданным (во всяком случае для Запада и России) шагом стало присоединение к консорциуму 11 ноября Ирана. В ходе визита в Баку министра нефти Ирана Голяма Реза Ага-заде был подписан договор, по которому Азербайджан согласился передать Ирану 25 процентов от своей доли в контракте. Азербайджан, таким образом, второй раз уменьшил свою долю в каспийском проекте, первоначальный размер которой составлял 30 процентов.

Очевидно, соглашения с "ЛУКойл" и Ираном были подписаны прежде всего с целью укрепления политических позиций Азербайджана в его отношениях с соседями по Каспийскому морю. Причем, если "ЛУКойл" был допущен к участию в контракте еще на стадии его подготовки, то Иран попал в число участников проекта уже после 20 сентября. Не исключено, что это было сделано сознательно, дабы не пугать западные компании непредсказуемым партнером. Зато Россия, долгое время безуспешно пытавшаяся противодействовать подписанию контракта, заявляя о его непризнании, лишилась теперь единственного потенциального союзника в этом вопросе. К тому же подключение Ирана к нефтяному проекту создало дополнительную угрозу планам Москвы добиться прокладки через территорию России - с выходом к Черному морю - маршрута будущего нефтепровода.

Новая ситуация, очевидно, повлияла на позицию России в отношении контракта, ратифицированного Милли Меджлисом 15 ноября. Это подтвердил и визит президента Г. Алиева в Москву, состоявшийся 17 ноября. Судя по высказываниям посла Азербайджана в России Рамиза Ризаева сразу по окончании встречи в Кремле, российский президент заявил об отсутствии у России претензий к Азербайджану в связи с нефтяным соглашением. А 19 ноября глава МИД РФ А. Козырев заявил, что его ведомство "в принципе не имеет ничего против" контракта (хотя еще 12 октября, выступая на встрече с заместителями иностранных дел пяти прикаспийских государств, он называл контракт "так называемым"), и ограничил претензии России необходимостью "урегулировать правовой статус Каспийского моря".

Ослабление позиции России в переговорах о статусе Каспия совпало с усилением посреднических усилий Запада в Азербайджане. В ноябре вопрос об отправке в Карабах миротворческих сил стал предметом активного обсуждения между Россией и странами Запада. Главной причиной активизации западного посредничества явился нефтяной контракт и связанные с ним обязательства западных партнеров оказать помощь Азербайджану (который, опасаясь роста влияния России в

Закавказье, настаивал на приоритете СБСЕ-ОБСЕ в урегулировании конфликта). Не случайно именно в эти месяцы резко возросло внимание Вашингтонской администрации к карабахской проблеме, выразившееся в обещании Клинтона оказать финансовую поддержку будущей миротворческой операции (до 30 процентов расходов).

Разработанная СБСЕ новая программа урегулирования Карабахского конфликта предусматривала размещение в зоне конфликта международных разъединительных сил численностью от 1600 до 2000 военнослужащих. Швеция в качестве координатора деятельности Минской группы СБСЕ вела по этому поводу интенсивные консультации со странами Запада, надеясь сформировать миротворческий контингент под эгидой СБСЕ. Германия, в частности, выразила готовность предоставить для этой цели свои войска. Все это вызывало беспокойство в Москве. Однако Россия продолжала настаивать на признании ее приоритетной роли в процессе урегулирования конфликта, понимая, что роль эта (а с ней и влияние в регионе) будет определяться главным образом тем, чьи войска в конечном итоге составят основу будущих миротворческих сил.

3-4 ноября Андрес Бьурнер, незадолго до этого назначенный на должность председательствующего на заседаниях минской группы СБСЕ, провел в Москве переговоры с первым заместителем министра иностранных дел России Игорем Ивановым и специальным представителем президента РФ по Нагорному Карабаху Владимиром Казимировым (последний накануне открыто обвинил в российских средствах массовой информации "некоторых членов Минской группы" в попытке создать "искусственные препятствия для миротворческих усилий России"). Судя по всему, достичь на этой встрече полного взаимопонимания не удалось. В то время как приоритетной целью российского плана остается прекращение огня, план СБСЕ предлагает продолжить переговорный процесс при одновременном направлении в регион международных наблюдателей. Ранее Россия уже отвергла идею бывшего председателя Минской группы Яна Элиассона о том, чтобы российские войска находились в зоне конфликта под международным контролем со стороны европейских наблюдателей, предпочитая сохранить за собой все ключевые позиции в руководстве миротворческим процессом.

Российско-"европейские" разногласия по вопросам миротворчества в Карабахе не удалось преодолеть и в ходе состоявшейся 15-16 ноября встречи в Москве представителей Минской группы. От этой встречи российская дипломатия, по словам Казиминова, ждала решения вопроса упорядочения деятельности группы, в частности, определения ее мандата. Этот вопрос решен не был, а о том, сколь острыми сделались противоречия между российскими и западными посредниками, можно судить по тексту специального совместного заявления МО и МИД России, сделанного после окончания первого дня московского заседания Минской группы.

В этом заявлении сказано, что любые попытки потеснить Россию и СНГ в их усилиях по урегулированию карабахского конфликта "означают на деле подрыв самой сердцевины мирного процесса, какими бы словами о важности других международных усилий это ни прикрывалось". В документе заявлено, что только Россия сумела действительно участвовать в урегулировании конфликта, и что заслуга в продолжающемся перемирии полностью принадлежит ей.

Новому кризису в отношениях российских дипломатов с коллегами-посредниками из СБСЕ, видимо, способствовала ухудшившаяся ситуация на проходящих при посредничестве России трехсторонних (Армения-Азербайджан-Карабах) переговорах по урегулированию в Карабахе. Накануне московской встречи Минской группы здесь же, в Москве, безрезультатно завершился очередной раунд этих переговоров. Комментируя ужесточение азербайджанской позиции (безусловный возврат Шуши и Лачина, участие в переговорах представителей азербайджанской общины Карабаха - этой же позиции придерживаются руководители и эксперты Минской группы), оппоненты Баку полагают, что это связано с кардинальной внешнеполитической переориентацией Азербайджана, с его отказом от прежнего "алиевского" курса на сближение с Россией и возросшими - после заключения "контракта века" - надеждами на поддержку Запада. Одним словом, не исключено, что одним из последствий "вытеснения" России с каспийского шельфа станет также

и ее вытеснение из процесса карабахского урегулирования.

В этом плане особое значение имело принятое 17 ноября странами-участницами программы "Партнерство во имя мира" решение направить в Нагорный Карабах международный контингент в составе 3,5 тыс. солдат и офицеров. Контроль за выполнением этой миротворческой миссии был возложен на СБСЕ. А 26 ноября руководитель Комитета старших должностных лиц (КСДЛ) СБСЕ Пауло Бруни объявил на заседании Комитета в Будапеште о готовности "голубых касок" начать акцию миротворчества в Нагорном Карабахе. Общая численность контингента должна была составить 3300 человек (причем 1100 военнослужащих выделяла Турция). Была достигнута договоренность о погашении партнерами-миротворцами возросших до 400 миллионов долларов расходов на содержание "голубых касок" в Нагорном Карабахе в течение 6 месяцев - за такой срок СБСЕ надеялся завершить операцию по урегулированию конфликта.

Российская сторона определенные надежды в этом плане связывала с прочностью военно-стратегических позиций своих фактических союзников - Армении и НКР, без согласия которых не могут быть реализованы сегодня никакие проекты и меры по достижению мира в Карабахе.

1995: "Новая" политика России?

Ситуация, сложившаяся к 1995 г., выявила полную бесперспективность подхода России (подключение Ирана к консорциуму и Запада в карабахском урегулировании - Будапештский саммит), и требовала "новой" политики. Важное значение здесь сыграла антииранская кампания США. В конце января обострились отношения Азербайджана с США по вопросу участия Ирана в нефтяном консорциуме. Уже на первом заседании руководящего комитета консорциума, Г. Алиев признался что, практическая реализация контракта будет не менее трудной, чем само подписание соглашения. После "подключения" Ирана к контракту его выполнение явно застопорилось. Азербайджан столкнулся с трудностями в поисках гарантий обеспечения своей финансовой доли (1,7 миллиардов долларов), такие гарантии республика должна была представить к 9 февраля, но эту дату пришлось отложить на 60 дней.

Активизация оппозиции в республике (мартовский мятеж) и за ее пределами (в январе азербайджанские оппозиционные деятели в России сформировали для смещения Алиева своего рода "союз изгнанных", куда вошли экс-президент Аяз Муталибов - с мая 1992 г. в Москве, экс-премьер Сурет Гусейнов, экс-министр обороны при президенте Эльчибее Рагим Казиев и лидер тальшского сепаратистского движения Алиакрам Гумбатов), продолжающиеся конфликты в Карабахе и Чечне создавали предпосылки для превращения Азербайджана в очаг перманентной нестабильности. Очевидно, что внутривосточный кризис в феврале вокруг отрядов НФА в Нахичевани и мартовский мятеж ОМОНа в определенной степени были вызваны позицией России и Турции по отношению к Алиеву. Так, Турция была вынуждена сменить своего посла в Баку. В марте были отменены (или перенесены) визиты в Баку директора российской Федеральной пограничной службы Андрея Николаева и помощника президента РФ по международным делам Дмитрия Рюрикова (состоявшийся в апреле), что наблюдатели были склонны связывать с возникшими трениями между Азербайджаном и Россией. Это происходило, как считали в Баку, на фоне фактически санкций Москвы против Азербайджана. С самого начала чеченского кризиса железнодорожное сообщение между Баку и Москвой было прекращено (в сентябре 1994 г.), Россия полностью закрыла свои границы с закавказскими соседями. Все это нанесло огромный ущерб экономике Азербайджана, так как 70 процентов всего экспорта и импорта осуществлялось через территорию России и промышленность работала на 5 процентов своей мощности, а 30 процентов произведенной продукции не реализовывалось и лежало на складах.

Примечательно, что признаки усиления напряженности в российско-азербайджанских отношениях появились на фоне развернувшихся пограничных столкновений с Арменией и отсутствия прогресса в переговорном процессе по урегулированию карабахского конфликта. В начале марта МИД РФ выступил с резким заявлением, в котором подверглись осуждению высказывания официальных лиц

Азербайджана, негативно оценивающие роль Москвы в карабахском урегулировании: "Абсолютно некорректны утверждения, будто бы Россия не заинтересована в урегулировании конфликта и пытается, мол, вывести миротворческий процесс из-под эгиды ОБСЕ. Не хотят ли этим прикрыть нереалистические установки, которые тормозят движение вперед?". Многие считали, что появление этого документа связано с непривычно резким заявлением азербайджанского государственного советника по внешнеполитическим вопросам Вафы Гулузаде, заявившего в ходе визита в конце февраля в Турцию (на конференции по проблемам безопасности Южного Кавказа): "Армения является военной базой России в Закавказье и выполняет волю Москвы".

Тем не менее существовали предпосылки улучшения российско-азербайджанских отношений: возможно, что арест лидера "Боз Гурд" Искендера Гамидова был вызван не только желанием расправиться с оппозицией - его неоднократно обвиняли в организации отправки в Чечню оружия и наемников в помощь Дудаеву. А в конце марта - начале апреля стало известно, что Азербайджан готов рассмотреть варианты транспортировки своей нефти через российскую систему трубопроводов, "если турецкий вариант прокладки трассы не найдет источников финансирования" - об этом сообщили в аппарате правительства Азербайджана. В это же время было подписано торгово-экономическое соглашение с Россией - в настоящее время ведущим внешнеэкономическим партнером Азербайджана является Иран, однако если межправительственное соглашение будет реализовано, Россия вновь займет лидирующее место.

В этот же период усилилась кампания США по бойкоту Ирана - помимо Европы, России и Японии давление было оказано и на Азербайджан. 3 апреля Гейдар Алиев объявил о предоставлении 5 процентов азербайджанской доли в нефтяном консорциуме американской "Еххон", а также об увеличении на 5 процентов доли турецкой "Turkish Petroleum" (ТРАО), уже имеющей 1,7 процентов. 6 апреля президент ГНКАР Натиг Алиев заявил о том, что Иран не войдет в консорциум по разработке месторождений "Азери", "Чираг" и "Гюнешли". По его словам, главной причиной этого стала позиция компаний США, которые заявили о своем категорическом несогласии участвовать в одном консорциуме с Ираном. Характерно, что по времени это совпало с появлением неизвестного до того Фронта Национальной Независимости Южного Азербайджана. Возможно, что таким образом был создан механизм давления на Иран.

11 апреля министр иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти заявил: "Расторжение ирано-азербайджанского соглашения о включении ИРИ в консорциум не служит интересам Азербайджана и противоречит взятым им обязательствам. Пока вопросы правового статуса Каспийского моря не нашли своего окончательного решения, соглашения по консорциуму недействительны и не могут быть осуществлены в одностороннем порядке". В ответ министр иностранных дел Гасан Гасанов заявил: "Что же касается параллели между статусом Каспия и правом Азербайджана на разработку собственных нефтяных месторождений, то оно не правомерно, тем более, что когда сам Иран вел переговоры об участии в консорциуме, он эту проблему не поднимал... Мы предлагаем Ирану сотрудничество по всему Каспийскому морю... Заявление Велаяти носит несколько эмоциональный характер и его нельзя рассматривать как угрозу". Министр сказал, что Азербайджан будет предпринимать все меры для того, чтобы не допустить осложнения отношений между Баку и Тегераном. По словам заведомо международных связей Министерства нефти Ирана Мехти Гусейни, Иран и Россия намерены в ближайшее время поднять перед международными организациями вопрос об уточнении статуса Каспия.

19 апреля заместитель министра энергетики США Уильям Уайт (совершивший поездку по странам СНГ и Турции) и Гейдар Алиев приняли участие в церемонии подписания соглашения о передаче "Еххон" 5 процентов. Президент сообщил, что при принятии решения о передаче доли "Еххон" азербайджанская сторона учитывала мнение государственных органов США и долгосрочное присутствие американских нефтекомпаний в Азербайджане приведет к усилению стратегических интересов США в республике. "Еххон" стал 13-м участником консорциума и увеличил совокупную американскую долю до 45 процентов, что является крупным политическим успехом США в регионе. А ГНКАР уже собирается объявить тендер на разработку месторождения "Шахдениз". По этому

поводу ведутся переговоры с тремя компаниями: "British Petroleum" (Великобритания), "Statoil" (Норвегия), и "ТРАО" (Турция). Французская "Elf Aquitaine" намерена осваивать месторождение "Ленкорань-Дениз", американская "Chevron" - "Араз дашы" и "Мамедалиев", "Еххон" - "Сабаил" и "Д-9", расположенные в южной части азербайджанского сектора.

В этих условиях правительство Черномырдина предприняло определенные шаги для усиления позиций России в Азербайджане. "Россия намерена увеличить свою долю в международном консорциуме по освоению нефтяных месторождений Каспийского шельфа", - заявил министр топлива и энергетики РФ Юрий Шафраник, отметив, что начиная с 1997 г. Россия будет готова прокачивать 5 миллионов тонн каспийской нефти ежегодно (Финансовые известия.20.4.95).

По итогам азербайджано-российских переговоров в Москве правительство РФ приняло постановление о снятии ограничений на транспортное передвижение между двумя странами. Значительный прогресс на межправительственных переговорах по проблемам экономических отношений и транспортных коммуникаций был достигнут лишь после того, как Кремль и Баку сделали шаги навстречу друг другу в разрешении политических проблем.

По поручению российского президента его помощник по международным вопросам Дмитрий Рюриков 9 апреля совершил визит (давно планировавшийся) в Баку, где провел переговоры с президентом Гейдаром Алиевым. "Москва придает большое значение развитию двусторонних отношений, и необходимо перевести их на новый уровень" - отметил Рюриков. Визит Рюрикова был вызван желанием России прояснить позицию Азербайджана по ряду вопросов: карабахская проблема, охрана азербайджанских границ, статус Габалинской РЛС, статус Каспия. Было отмечено, что азербайджанская сторона считает возможным рассматривать все эти вопросы только в контексте скорейшего урегулирования армяно-азербайджанского конфликта.

И почти сразу же после этого комитет по делам СНГ Госдумы провел 11 апреля слушания "О положении в зоне нагорно-карабахского конфликта". Приглашение к участию в них приняли парламентарии из Армении и делегация НКР во главе с президентом Робертом Кочаряном. Спикер Милли Меджлиса Расул Гулиев прислал телеграмму из которой следовало, что желание рассмотреть в Думе вопрос о Нагорном Карабахе "является недружественным актом по отношению к Азербайджану", а "проведение этой акции таит в себе угрозу миру и спокойствию в Закавказье". Руководство парламента Азербайджана напомнило, что несмотря на требование некоторых сил и организаций внутри республики обсудить чеченскую проблему на заседании Милли Меджлиса, власти Азербайджана выступили категорически против этого. "Приглашение на эти слушания представителей не признанной мировым сообществом, в т.ч. и Россией, самопровозглашенной НКР наносит серьезный урон двусторонним отношениям. На деле это есть не что иное, как отказ от дружественных отношений с Азербайджаном...и является прямым вмешательством во внутренние дела Азербайджана".

Сами же переговоры по урегулированию карабахского конфликта фактически зашли в тупик из-за нежелания армянской стороны согласиться на вывод войск из оккупированных Лачина и Шуши, а также из-за нежелания Баку признать Нагорный Карабах самостоятельной стороной конфликта.

К лету окончательно сформировался альтернативный турецкому вариант транспортировки нефти. Все большее число аналитиков на Западе полагало, что Россия одержит успех в борьбе за контроль над экспортом азербайджанской нефти. Россия предприняла шаги, нейтрализующие турецкие экологические требования к судоходству в черноморских проливах. В середине июня представители России, Греции и Болгарии приняли решение о создании консорциума для строительства нефтепровода Бургас - Александруполис от берегов Черного до Эгейского моря (длина 317 километров, стоимость 0,7-1,43 миллиардов долларов, пропускная способность 30 миллионов тонн в год). Реализация проекта позволит России транспортировать нефть европейским потребителям, минуя проливы Босфор и Дарданеллы, где Турцией были введены жесткие ограничения на проход крупнотоннажных танкеров. В консорциум "Transbalkan Pipeline Company" войдут греческие

фирмы "Latsis Group" и "Copelousos Group", национальная энергетическая корпорация "DEPA", российско-греческая "Ираклис" и РАО "Газпром". Одновременно с этим с ноября 1994 г. рассматривался альтернативный проект албанской, македонской и болгарской нефтяной корпорации по строительству трансбалканского нефтепровода от Бургаса до Бриндизи (Италия) через Болгарию, Македонию и Албанию.

В свою очередь, президент Азербайджанской Международной Операционной Компании (АМОК) Терри Адамс провел в мае в Москве переговоры с министром топлива и энергетики Юрием Шафраником о возможности транспортировки ранней нефти. Как заявил Адамс, "в ходе поездок в Тбилиси и Москву и дискуссий, проведенных с Эдуардом Шеварднадзе и Юрием Шафраником, мы убедились в реальности обоих вариантов экспорта ранней нефти - как через территорию Грузии, так и через Россию". Он сообщил, что АМОК создал две рабочие группы - в Тбилиси и в Москве, которые занялись тщательным изучением выгоды каждого из вариантов. "Окончательное решение будет приниматься исключительно из коммерческих соображений, однако мы должны быть восприимчивы и к политической обстановке", - сказал глава АМОК.

После того, как Ирану в апреле было отказано в допуске в нефтяной консорциум, им были резко сокращены закупки азербайджанских нефтепродуктов, что сильно ухудшило положение нефтяной отрасли Азербайджана. Иран также прекратил все поставки сырья, топлива и газа в Нахичевань, что поставило под угрозу полной остановки все предприятия автономии. Азербайджан, в свою очередь, принял решение о повышении таможенных пошлин на иранские товары.

На проблему экспорта нефти также влиял не урегулированный статус Каспийского моря. Министр энергетики США Хезал О'Лири высказала обеспокоенность нерешенностью вопроса о статусе Каспия. По ее мнению, "поскольку контракт выносится для финансирования на международный уровень, то абсолютно недопустимо, чтобы оставались какие-либо неясности или возможность его неправильно интерпретировать. То, что контракт подписан без определения статуса Каспия, это одно, но финансирование контракта - это уже отдельная статья, в которой необходимо большое внимание уделять международным нормам".

Официальный Баку считает, что статус Каспия не имеет отношения к нефтяному контракту. Так, по мнению министра МИД Гасана Гасанова "нерешенность вопроса о статусе Каспия не повлияет на вопросы финансирования контракта. Об этом было четко заявлено в послании президента США Билла Клинтона президенту Азербайджана. Такой же позиции придерживаются все члены консорциума, которые выработают соответствующее "противоядие" попыткам заморозить контракт". Он подчеркнул, что "конечно, неплохо, чтобы статус Каспия был определен побыстрее, но ведь само заключение нефтяного контракта уже в некоторой степени отвечает на этот вопрос".

В июне произошли важные изменения, которые, возможно, свидетельствуют об усилении позиций России в Азербайджане. Особенно это заметно на фоне охлаждения отношений с Ираном.

Сразу после встречи руководителей безопасности стран СНГ в Тбилиси, глава Федеральной Службы Безопасности РФ Сергей Степашин (теперь уже бывший) нанес визит в Баку, и подписал с главой Министерства Национальной Безопасности Намиком Аббасовым соглашение о взаимодействии обеих служб. При этом Аббасов подчеркнул, что вопрос о выдаче экс-президента Аяза Муталибова рассматривается: "Российская сторона уже выдала нам одного из участников попытки октябрьского переворота и я надеюсь, что процесс будет продолжаться". По его мнению "нет другой альтернативы, как сдать Габалинскую военную базу русским". Одновременно Азербайджан надеется, что этот шаг будет по достоинству оценен Россией, и "что русские начнут делать уступки в Карабахском вопросе и помогать Азербайджану в том, чтобы тот смог вернуть себе земли, оккупированные армянами". На встрече с Алиевым Степашин заявил, что ФСБ намерен поделиться сведениями об интересах зарубежных спецслужб в Азербайджане. А 7 июня уже глава Федеральной Пограничной Службы Андрей Николаев подписал в Баку соглашение об охране границы между Россией и Азербайджаном "О защите государственных границ".

Новый этап российско-азербайджанских отношений обозначил визит замминистра МИД РФ Альберта Чернышева 6 июня, когда были подписаны соглашения о культурном и научном сотрудничестве, о двусторонних политических консультациях, а также консульская конвенция о защите граждан. Стороны высказались за углубление интеграции в экономической и производственной сферах. Россия предложила проекты двух соглашений: "О гражданах стран, постоянно проживающих на территории другой страны" и "О принципах организованного переселения". Чернышев ставил вопрос о законности экспорта консорциумом нефти с азербайджанских месторождений без решения статуса Каспия. Но министр МИД АР Гасан Гасанов заявил, что "нефтяной контракт уже является международным юридическим документом, определившим азербайджанский сектор Каспия, так как его подписали не только руководители нефтяных компаний, но и правительства ряда стран". По мнению Гасанова, сложилось впечатление, что Россия стала, наконец, понимать: без решения проблемы Шуши и Лачина урегулирование невозможно.

Тем временем развитие политических процессов в Закавказье, похоже все больше переходило на интеграционную и стабилизирующую основу: летом прошли парламентские выборы в Армении, осенью - в Азербайджане и Грузии. Позитивно скажется на всем регионе переход урегулирования чеченского конфликта в переговорную стадию. Судя по всему, недалек тот день, когда грузинские и азербайджанские беженцы вернутся на свои земли в Абхазии и Карабахе. Важное значение в этих процессах сыграл визит с 11 по 15 июля на Кавказ спикера Совета Федерации Владимира Шумейко, призванный ускорить миротворческие акции в конфликтных зонах и интеграцию экономических отношений в рамках СНГ.

Основными темами переговоров Шумейко с президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым стали российско-азербайджанские отношения и урегулирование карабахского конфликта. Шумейко сообщил, что начато ослабление временных ограничений на пересечение границы России с Азербайджаном, введенных в связи с событиями в Чечне. Возобновлен пропуск жителей прилегающих районов, провоз гуманитарной помощи и хозяйственных грузов, перегон скота на пастбища. По мере стабилизации обстановки в Чечне Россия будет и далее снимать ограничения в порядке пересечения границы с Азербайджаном. Шумейко заявил, что российское руководство рассматривает этот вопрос в контексте превращения региона Каспия в объект совместного использования и взаимовыгодного сотрудничества всех прикаспийских государств.

"Азербайджан не пойдет ни на какие территориальные уступки в процессе разрешения армяно-азербайджанского конфликта из-за Нагорного Карабаха" - подчеркнул Алиев и связал пребывание республики в СНГ с разрешением карабахского конфликта: "Участие Азербайджана в СНГ зависит от перспектив урегулирования конфликта с Арменией". "Если агрессия Армении будет продолжаться и обращения Азербайджана не будут услышаны, то зачем нам такое Содружество". В ответ Шумейко заверил, что сделает все возможное, как председатель Межпарламентской ассамблеи СНГ, чтобы беженцы вернулись на свою землю. Решение о государственном-правовом статусе Нагорного Карабаха может быть принято только после возвращения беженцев на захваченные территории, заявил Шумейко и предупредил о "возникшей реальной опасности консервации конфликта", в результате чего "он может в любой момент перейти в другую стадию". "Наши государства еще не окрепли в политическом смысле, многие политические силы еще в состоянии прийти к власти. Неизвестно, кто еще победит на предстоящих выборах и как потом будет использована ситуация с Нагорным Карабахом, поэтому проблему надо немедленно решить мирным путем". По его словам "возвращение беженцев - это первый шаг, который необходимо сделать буквально в ближайшие дни". До него никто из российских официальных лиц не обещал скорого возвращения азербайджанских беженцев в Карабах и на примыкающие к нему территории, второй год оккупированные непризнанной НКР.

С поездкой в регион Шумейко совпало ослабление позиции России по статусу Каспия. Замминистра иностранных дел РФ Альберт Чернышев сообщил что во время визита в Анкару обсуждал с турецким руководством и вопрос о нефтепроводе: "если турецкий вариант трубопровода

экономически выгоден и политическая ситуация в стране стабильна, то Москва не имеет против него никаких возражений". Однако российская сторона выступает против монополизации "трубы" и считает, что для транспортировки нефти с Каспия должна быть создана целая сеть небольших трубопроводов.

Но вскоре после этого высокопоставленный сотрудник МИДа РФ сообщил, что МИД предложил "целый ряд мер, в том числе и жестких", с целью "убедить Азербайджан и некоторые другие прикаспийские страны занять более реалистичную позицию" в отношении проблем Каспия. Однако 27 июля на встрече с послом Азербайджана в России Рамизом Ризаевым по его просьбе, 1-й заместитель министра МИДа РФ Игорь Иванов сообщил что это сообщение "не отражает официальной позиции российской стороны". Напротив, руководство России твердо настроено на налаживание полномасштабного, равноправного сотрудничества с Азербайджаном.

Иной тактики придерживалось правительство РФ. 11 июля премьер-министр РФ Виктор Черномырдин провел совещание, на котором обсуждались вопросы об использовании ресурсов Каспийского моря. Помощник премьера РФ по международным делам Михаил Тарасов заявил, что Россия, выступая против "безоглядного разбазаривания" ресурсов Каспия, тем не менее исходит из "реальностей сегодняшнего дня". Реальность же такова: разработка Каспия - дело прибыльное. По его словам, российская компания "ЛУКОЙЛ" поступила абсолютно верно, вступив в международный консорциум по разработке нефтяных месторождений. "Задача политиков - решать спорные проблемы, касающиеся Каспия, а бизнесмены должны делать свое дело". Видимо, именно этой позиции придерживался вице-премьер Алексей Большаков во время переговоров в Москве с премьер-министром Фуадом Гулиевым.

А 18 июля в Совете Федерации прошли парламентские слушания "О правовых, экономических и экологических проблемах Каспийского моря", на которых заместитель начальника правового департамента МИДа Яков Островский заявил, что "нельзя решать проблемы Каспия в отрыве от действительности". По его мнению, нет смысла говорить о сохранении и использовании биоресурсов Каспийского моря пятью прикаспийскими государствами - Россией, Ираном, Азербайджаном, Туркменией и Казахстаном - а также обсуждать любые другие вопросы, в то время, когда "начался процесс отторжения Каспия от России". "Если этот процесс продолжится, Каспий будет потерян для России". Азербайджан и Казахстан "фактически установили "национальные сектора" в Каспийском море". И хотя, по мнению дипломата, это неправомерно, надо исходить из того, что это уже сделано. Именно поэтому Азербайджан отказался подписать и соглашение о региональном сотрудничестве на Каспии, и соглашение об использовании биоресурсов. Как пояснил представитель МИДа, "не надо забывать, что за Азербайджаном и за Казахстаном стоят монополии США и Великобритании, которые и призывают их не заключать договоров с Россией". Позиция бывших советских республик, считает дипломат, и в дальнейшем будет определяться под диктовку иностранных монополий (Несмотря на это, Конгресс США в конце июня оставил в силе поправку 907 к "Акту о свободе", запрещающую оказывать Азербайджану гуманитарную помощь).

Свершившийся факт признания выделения азербайджанского сектора Каспия Островский отнес на счет Минтопэнерго, руководитель которого Юрий Шафраник, не имея полномочий ни российского МИДа, ни правительства присутствовал на подписании контракта на освоение каспийских месторождений между Азербайджаном и международным консорциумом. По словам представителя Минтопэнерго "пока мы ждем, они будут качать нефть", и Россия должна делать то же, потому что остановить начавшийся процесс уже нельзя. Главное, по мнению Минтопэнерго, создать комитет всех прикаспийских государств, который делил бы квоты на добычу нефти, определял бы трубопроводы и т. п.

Осенью 1995 г. был решен вопрос о маршруте транспортировки ранней нефти. Консорциум рассмотрел два варианта - северный (с выходом в Новороссийск) и западный (с выходом в Потю). Экспорт большой нефти, по мнению консорциума и Азербайджана, должен пройти через

территорию Турции. Транзит через Иран в настоящее время исключен из-за несогласия США. Поэтому остается вариант доставки нефти в Турцию через Грузию. Однако, Россия заявляет о своей готовности транспортировать и главную нефть.

Турция, конкурирующая с Россией, также предприняла определенные шаги. В июле состоялся визит в Азербайджан премьер-министра Тансу Чиллер, которая как считают, лоббировала "грузинский" маршрут нефти. На встрече с Алиевым Тансу Чиллер объявила о грандиозном проекте строительства евразийской транспортной магистрали через Баку, которая объединит тюркоязычные государства бывшего СССР с Турцией, Европой и Азией. Во время визита Чиллер вела переговоры о проекте транспортировки каспийской нефти через Турцию с представителями нефтяных компаний, входящих в международный консорциум. Глава руководящего комитета консорциума Терри Адамс от имени компаний выразил готовность поддержать любой проект, если он окажется экономически выгодным и гарантирует безопасность нефтепровода. То, что часть первичной нефти с месторождения Чираг будет транспортироваться через черноморские порты Грузии, не решает, однако, всей проблемы. Чиллер подчеркнула что Турция и Азербайджан единодушны во мнении: азербайджанская нефть должна транспортироваться на Запад по территории Турции.

В ходе визита президента Украины Леонида Кучмы 27-28 июля также прорабатывались планы транспортировки каспийской нефти на Запад: Украина предлагает провести нефтепровод Баку-Поти, откуда нефть танкерами можно будет доставлять и в Одессу. Реализация "грузинского варианта" потребует более 1,1 миллиарда долларов, и Украина готова принять участие в финансировании. Мощность трубопровода должна составить примерно 30 миллионов тонн в год, что в дальнейшем даст возможность перекачивать по нему как иранскую, так и казахстанскую нефть.

В последние годы фактически прекратилось торгово-экономическое сотрудничество Украины с Азербайджаном. Экономике Азербайджана нанесен огромный ущерб, прерваны экономические и производственные связи со странами СНГ и Западной Европы. Поэтому партнеры по СНГ - Украина, Азербайджан и Грузия в интересах защиты национальных экономик договорились об организации холдинговой транспортной кампании, которая займется созданием сети коммуникаций, призванных связать черноморское и каспийское побережье. Новая транспортная магистраль, осуществление которой до этого поддержала Чиллер, станет альтернативой заблокированной из-за войны в Чечне Северо-Кавказской дороге.

"Для нас очень важно, подчеркнул Гейдар Алиев, что обе страны придерживаются незыблемости таких принципов международного права, как политическая и экономическая независимость, территориальная целостность и нерушимость границ". Президенты подчеркнули необходимость более тесной координации действий при подготовке вопросов к обсуждению на саммитах СНГ. "Мы обнаружили полное совпадение взглядов и позиций по многим проблемам международного сотрудничества, включая деятельность СНГ". Касаясь вопроса жизнеспособности СНГ, Кучма заявил, что "у СНГ все-таки есть будущее при том неопременном условии, что будет учитываться мнение каждой из стран - членов. А если оно будет учитываться, то конфликтов, подобных карабахскому, не будет вообще, или же они будут сообща решаться". Что касается участия Украины в разрешении карабахского конфликта, заявил Кучма, то "место и роль Украины в этом вопросе на сегодняшний день не адекватны нашим возможностям". Он пообещал, что в ближайшее время Украина заявит о своей позиции в этом вопросе в ОБСЕ и высказал готовность обеспечить военное присутствие миротворческих сил Украины в зоне конфликта. В свою очередь Алиев заявил: "Ключ к решению карабахской проблемы находится в России, которая в состоянии разрешить этот конфликт".

Между тем один из руководителей Азербайджана, спикер Милли Меджлиса Расул Гулиев высказал личное мнение по поводу маршрута транспортировки нефти: "Ранняя нефть пойдет через территорию РФ в порт Новороссийск, главная нефть должна пройти через Грузию с выходом к

средиземноморским терминалам Турции. Это - мое мнение, и я считаю, что будет принято именно такое решение".

Альтернатива и прогноз

Таким образом три страны, особенно стремящиеся влиять на Азербайджан, предприняли за последние полгода серьезные военные и дипломатические шаги: Россия в Чечне, Турция в Курдистане и США по отношению к Ирану.

Для Ирана, Азербайджан, как и для России представляет конкуренцию из-за нефти. Для США азербайджанская нефть должна заменить иранскую, одновременно США надеются сыграть сразу на двух направлениях: уменьшить транспортно-экономические связи России с Грузией (из-за конфликтов) и Ираном, актуализировав проблему Южного Азербайджана (Фронт национальной независимости), совпавшую по времени с отстранением Ирана из консорциума. Контролируя закавказско-азиатскую нефть, США контролировали бы экспортеров-конкурентов: Россию, Иран, арабские страны и одновременно импортеров в Европе.

Учитывая опыт политических игр, связанных с тенгизским и тремя азербайджанскими месторождениями, приходится признать что целью России является не столько направление и маршрут экспортных нефтепроводов, сколько сама нефть (конкурентная российской), как независимый финансовый источник для Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. Таким образом оптимальным вариантом развития ситуации для России является "замораживание" и прекращение проектов - как уже произошло в Тенгизе и чего добиваются от Азербайджана.

По сути, изначально, безальтернативно все эти годы позиция Азербайджана считалась одной из важнейших проблем России в Закавказье. При этом многие аналитики, указывая на этноконфессиональные ценности (исламский фундаментализм), особенности политической культуры, сразу относились отрицательно к любой поддержке Азербайджана в карабахском конфликте. Такая безальтернативная позиция выжидательного равнодушия, когда республика станет такой же расколотой как Грузия, привела российско-азербайджанские отношения в тупик. И в самом деле, если политика Азербайджана являлась для России одной из узловых проблем "ближнего зарубежья", все эти годы считалась не дружественной, и автоматически записывалась в "минусы", то о каких перспективах улучшения этих отношений можно говорить? Аналитики утверждают, что Азербайджан никогда не будет ориентироваться на Россию (а только на Турцию и Запад). И это действительно так, поскольку Россия ни разу не выступила в карабахском конфликте на стороне республики. Исходя из этого была выбрана стратегия поддержки оппозиции и превращения Азербайджана в Грузию номер два - расколотую на регионы. Однако не была учтена региональная этнополитическая структура республики - были преувеличены разногласия между региональными элитами. Может ли быть в этой ситуации оптимальный выход для всех сторон и как будут развиваться дальнейшие события?

"Однако нам уже недвусмысленно дают понять: США глубоко плевать на "успех реформ", выход России из экономического кризиса и тем более - на ее будущее необыкновенное экономическое процветание. Американских политиков и американскую общественность пугает сильная и здоровая Россия, кого искренне, а кого из конъюнктурных соображений. Сегодня наши западные партнеры видят перед собой слабую и больную Россию, и это их глубочайшим образом устраивает." (Михаил Леонтьев. Газ. Сегодня, 25 мая 1995 г.). Эта характеристика как нельзя лучше отражает (практически совпадает) с ситуацией в российско-азербайджанских отношениях.

Уменьшение значения России в экспортно-импортных операциях Закавказья (как по субъективным, так и по объективным причинам) приведет к экономическому вытеснению России и в Грузии. Результатом этого, как и в Восточной Европе, может стать формирование политического альянса, ориентированного на Запад. Необходимо вернуться, сделав ставку на развитие взаимовыгодных экономических отношений. К усилению позиций России в республике может привести налаживание нормальных экономических транспортных связей с Азербайджаном, а через него с Грузией и

Ираном.

После провала ставки на Сурета Гусейнова и Аяза Муталибова, пора перейти к налаживанию связей с политиками, действующими в реальном мире. Очевидно, что лидеров в МНБ, МВД и МО Азербайджана с ориентацией на Россию уровня Игоря Гиоргадзе не существует. Внутри республики необходима опора если не на органы безопасности, то на влиятельные экономические силы. По нашему мнению такой силой, альтернативной алиевской группировке, является группировка спикера парламента Расула Гулиева.

Сейчас уже очевидно, что стратегия на раскол Азербайджана, противопоставление Алиеву региональных элит и оппозиционных группировок не привели и не приведут к изменению внешнеполитической ориентации Азербайджана. Россия не может решить эту проблему "чеченским миротворчеством". Такой результат должен послужить основой для альтернативной российской политики по отношению к Азербайджану: необходимо восстановить нормальные экономические отношения, транспортные перевозки через Азербайджан в Грузию и Иран (как альтернативный туркменскому пути), урегулировать сложный комплекс вопросов в треугольнике Россия - Армения - Азербайджан, связанный с карабахским конфликтом, статусом Каспийского моря и военным сотрудничеством (РЛС, ПВО, погранвойска).

Ошибочной была политика по отношению к внутривластным группировкам: несмотря на пророссийский курс Муталибова Москва не оказала влияния на Ереван, наоборот, карабахская трагедия ускорила его падение. Таким образом, приход НФА к власти был косвенно вызван позицией Москвы. После периода НФА и возвращения Алиева примерно полгода ожидалось сближение позиций двух стран. Однако несмотря на это Москва опять проигнорировала требования Азербайджана по урегулированию конфликта. Единственным логичным шагом в этих условиях стало подписание нефтяного контракта.

Не помог и расчет на региональную политическую дифференциацию - это показали августовский (1993), октябрьский (1994), мартовский (1995) мятежи и августовская попытка мятежа (1995). В сегодняшнем Азербайджане, несмотря на существующие противоречия между регионами, невозможно создать звиадистскую Мегрелию и таким образом изменить внешнеполитическую ориентацию.

Очевидно, что позиция России по отношению к Азербайджану была ошибочной и те, кто думает, что упрямо продолжая ее можно чего-то добиться, сильно заблуждаются (особенно заявлениями о фундаментализме, почерпнутыми из арсенала Горбачева 1990 года), предлагая меры способные еще в большей степени усилить влияние Запада и Турции, и следовательно не правильно представляют интересы РФ.

При неумелых действиях МИДа, сейчас Россия стоит перед реальной возможностью уменьшения влияния не только в Азербайджане, но и в Грузии и даже в Армении. Покушение на Э. Шеварднадзе - серьезное предупреждение Москве: можно сколько угодно говорить о "стратегическом партнерстве" однако реальная ситуация гораздо сложнее. Необходимо понять: авторитаризм закавказских стран, вызванный поддержкой России или наоборот (в Азербайджане) и который кое-кто из политологов оценивает позитивно, представляет угрозу для России и создает еще большую нестабильность в конфликтогенном регионе. Отсутствие как таковой оппозиции в парламентах не должно радовать не только с точки зрения защиты демократии, но и с точки зрения усиления "партий власти", все менее зависимых от России. Наиболее яркий пример - запрет "Дашнакцутюна" (АРФД) в Армении, занимавшего гораздо более пророссийские позиции, чем правящий АОД, и являвшегося противовесом, сдерживавшим Тер-Петросяна. Теперь же Конституции и выборы, новое государственное устройство решают проблемы, стоящие перед властью в Закавказье: в Армении и Азербайджане - подавление оппозиции, в Грузии - помимо этого - введение федерализма, для урегулирования абхазской проблемы.

Какие же могут быть альтернативы? Наверное будет желание сыграть на определенных

противоречиях между Алиевым и Гулиевым, все более явных. Будет желание активизировать проблему Южного Азербайджана.

Однако сейчас у России есть еще один шанс наладить отношения с Азербайджаном: антииранская кампания США оттолкнула Иран от Азербайджана, хотя азербайджано-иранские отношения и до этого не были близкими и опирались только на личные контакты Алиева. В условиях разрыва транспортных и экономических связей с Ираном, Россия может вернуться в Азербайджан.

Очевидно, что российская внешняя политика в Азербайджане, должна представлять сугубо экономическую экспансию, энергично добиваясь сближения с Ираном и избегая конфронтации с Турцией и Западом. Помимо развития транспортно-экономических отношений надо поддерживать стремление Азербайджана освободить оккупированные азербайджанские районы (как реализацию резолюций СБ ООН), введя миротворческие разъединительные силы, Россия одновременно с этим должна решить вопросы совместной охраны ирано-азербайджанской границы, закрепления за Габалинской РЛС статуса российского военного объекта (а не базы) и подключить систему ПВО к общекавказской. Таким образом, последствия нефтяного контракта для России во многом будут нейтрализованы.

Главным остается вопрос маршрута экспортного нефтепровода. При этом необходимо учитывать интересы нефтедобывающих стран Центральной Азии и возможность их подключения к новому нефтепроводу, альтернативного российскому. Ни один из обсуждавшихся маршрутов не устраивает абсолютно все заинтересованные стороны. Турецкий маршрут для России может означать уже в ближайшем будущем вытеснение ее из региона и ориентацию Грузии и Армении на Запад. А впоследствии и переориентацию всего нефтепотока из Каспийского региона и Центральной Азии с российского транзита на закавказско-турецкий. Уже сейчас в Казахстане и Туркменистане происходит падение добычи нефти (разведанные запасы составляют 3,3 миллиардов тонн, не считая каспийских - 4,5 миллиардов тонн), что в немалой степени является следствием отсутствия альтернативных средств ее доставки импортерам. Появление крупной магистрали для экспорта нефти из Азербайджана, Туркменистана и Казахстана в обход российской территории нанесло бы ущерб государственным интересам России и подорвало бы ее влияние в Средней Азии и южной части Прикаспийского региона. Поэтому единственно приемлемый для России вариант - северный, с выходом в Новороссийск. При этом компромиссы и уступки возможны уже не по самому контракту, а по вопросу транспортировки нефти. В любом случае вопросы транспортировки энергоносителей из южных постсоветских республик захватывают интересы многих стран, и ни одна из них не заинтересована в их ущемлении. Логичнее смотреть на эти вопросы с точки зрения сотрудничества, а не конфронтации.

Вероятно, будет налажена целая система транспортировки нефти на Запад, к этому уже приходят и Россия, и Турция и сами нефтедобывающие Азербайджан и Казахстан. Что касается реальности смены курса алиевского Азербайджана, то она существует и довольно значительна.

Опирающаяся только на Армению, внешняя политика России в Закавказье все последние годы страдала односторонностью, расколов Грузию до такого состояния, когда уже не ясно с кем лучше заключать договоры, и несмотря на военные победы Карабаха, привела Азербайджан к созданию консорциума и прокладке нефтепровода на Запад. Только отбросив идеалистические схемы, установив равновыгодные, реалистичные отношения не только с Арменией, но и с Азербайджаном и Грузией, Россия сможет выйти из того тупика, куда загнала ее "беспросветная" миротворческая политика. Пора перестать видеть в них "несостоявшиеся государства" (failed states).

Сегодня большинству наблюдателей ясно: России необходимо найти точки соприкосновения с этими государствами, Турцией, Ираном и западными странами - иначе она будет иметь отношения с перманентно конфликтующими регионами Кавказа, не получив стабильности и безопасности в этой узловой части "ближнего зарубежья". Безальтернативность внешней политики России, следование в фарватере Российской империи и СССР - большая ошибка. Слишком прямолинейные,

тактические шаги российской дипломатии не имеют стратегической перспективы.

---

* Владислав Шорохов - научный сотрудник Института Европы Российской Академии Наук.